

Подпольный Бен-Иегуда (о писателе Цви Прейгерзоне)

В этом месяце (октябрь 2010) исполняется 110 лет со дня рождения Григория Израилевича Прейгерзона – человека удивительной, уникальной и в то же время символической в своей типичности судьбы.

По юности его и молодости страшным катком прокатились годы Первой мировой войны, ужасы Гражданской смуты, кровавые погромы петлюровских, махновских, белых и красных бандитов, в чьи руки попеременно переходила его родная Шепетовка. Наряду с другими еврейскими юношами, которых жизнь поставила тогда перед необходимостью выбора, он вступил в Красную армию, выбрав наименьшее, как казалось в тот момент, зло.

Позже, в начале двадцатых, опять же – как и многие другие его соплеменники из-за черты оседлости – Цви-Гирш-Григорий Прейгерзон отдался главной еврейской страсти – учебе. Как известно, молодежь из украинских, польских, белорусских местечек царской России десятилетиями стремилась к запретному для нее плоду высшего образования. В российские гимназии и университеты евреев, как правило, не принимали, а послать отпрыска за границу могла далеко не каждая семья. Неудивительно, что отмена ограничений вызвала немедленный и невиданный вал желающих учиться.

С другой стороны, большевистской власти, до основания разрушившей прежний уклад, срочно требовалась замена перепаханному почти до полного уничтожения слою технических, управленческих и культурных специалистов – то есть тому, что в России и по сей день именуется странным в своей неопределенной многозначности словом «интеллигенция». Спрос и предложение счастливым образом встретились – московские и питерские университетские скамьи густо заполнились студентами, знавшими идиш лучше украинского, а украинский – лучше русского. Был среди них и молодой Прейгерзон.

Специальность тогда выбиралась, как правило, случайно: главное, чтобы взяли учиться, а чему именно – дело десятое. То же самое – здесь опять придется сказать *как и с многими другими* – произошло и с нашим Цви-Гиршем: склонялся к тому, чтобы стать врачом, а оказался... в Горной академии. *Как и многим другим*, это не помешало ему стать крупнейшим специалистом в своем деле – ученым-практиком в области обогащения угля, автором монографий и учебников, по которым занималось не одно поколение советских студентов.

Почему-то я не сомневаюсь, что не меньшего успеха Прейгерзон добился бы в любой области, которую избрала бы для него судьба – от нейрохирургии до производства шоколадных конфет. Опять же – *как и многие другие*, отчаянно жадные до знаний выходцы из захолустных местечек.

Как и многие другие, во второй половине тридцатых он жил, «не чуя под собою страны», вздрагивая по ночам от шума машины под окнами, от звука шагов на лестнице. *Как и многие другие*, он ушел в ополчение с началом новой ужасной войны; *как и многие другие*, отозванный с фронта в карагандинские угольные рудники, делал на своем месте все для общей победы; *как и многие другие*, бессильно сжимал кулаки перед дымом чудовищной Катастрофы, обратившей в пепел большую часть его народа.

Как и за многими другими, приехала в конце концов и за ним та самая, ночная машина. Арестованный в 1949-ом, он прошел ад гэбистских допросов, тюрьму, лагеря Караганды, Инты, Воркуты. Многие не вернулись – он оказался среди тех, кто выжил, уцелел: помогла ценная в Гулаге инженерная специальность (а пошел бы двадцать пять лет тому назад в нейрохирурги или в кондитеры, еще неизвестно, как бы все обернулось...).

После восьми украденных лет – реабилитация, восстановление в должности московского доцента, милостивое позволение не вставать, не ломать шапку, не кланяться под угрожающим взглядом гражданина начальника. *Как и многие другие*, в конце шестидесятых Григорий Прейгерзон подает заявление на выезд в Израиль – уже выйдя на пенсию и сдав напоследок в печать монографию по обогащению угля. *Как и многим другим*, ему не суждено было осуществить это намерение: 15 марта 1969 года Григорий Израилевич Прейгерзон скоропостижно скончался от сердечного приступа.

Вот такая судьба – как и было обещано, символическая в своей удивительной типичности. «Ну и что? – скажете вы. – При всем уважении к символам, типичность не заслуживает особого упоминания. Не зря ведь столько раз говорилось – *как и многие другие*. *А многие другие* вполне обходятся без газетной статьи в честь 110-летия со дня рождения. Зачем же тогда огород городить?»

А затем, что все вышеописанное представляет собой лишь часть истории, причем меньшую ее часть. Затем, что помимо Григория Прейгерзона – студента Горной академии, ученого, ополченца, зека, успешного доцента и высокочтимого преподавателя – был еще Цви Прейгерзон, он же А.Цфони – замечательный ивритский писатель, подпольный Бен-Иегуда, практически в одиночку продолжавший дело литературного иврита в стране победившего скотства, под гнетом свинцовых сталинских мерзостей.

Давайте вернемся к истоку рассказа – в скромную Шепетовку начала 1910-ых годов. Здесь требуется некоторое пояснение, которое наверняка будет новостью для многих читателей, привыкших связывать процесс возрождения живого литературного и разговорного иврита только с деятельностью знаменитого Элиэзера Бен-Иегуды и его последователей в границах Страны Израйля. Правда же заключается в том, что помимо этого было еще одно – параллельное и, возможно, не менее сильное возрожденческое движение. И существовало оно в тогдашней дореволюционной России – да-да, в России!

В стране действовали десятки общеобразовательных школ с преподаванием на иврите. Царское правительство смотрело на этот сионистский и автономный по сути процесс с

неодобрением. Школы закрывались властями, но через некоторое время возникали снова – под другими названиями, но с тем же содержанием. На семинар учителей иврита, организованный обществом «Тарбут», съехались в Одессу более тысячи делегатов! Одесские, петербургские, московские издательства в массовом порядке выпускали ивритские учебники, печатались переводы на иврит классиков мировой литературы, оригинальная ивритская проза и поэзия – Бялик, Черниховский, Менделе Мохер Сфарим, Ицхак Перец, Ахад-ха-Ам, Шолом-Алейхем и многие, многие другие. Периодические журналы и альманахи, рассылаемые по подписке, не знали недостатка в читателях. Речь, как видите, шла не о бледном провинциальном отростке израильской языковой метрополии, но о мощном, бурлящем живыми соками стволе – как минимум не уступавшем параллельному движению, которое набирало силу в молодых поселениях Эрец Исраэль.

Неудивительно, что Цви Прейгерзон, воспитанный в этой атмосфере, уже подростком пробовал свои силы в ивритском стихосложении. В 1913 году отец отправляет его учиться в знаменитую тель-авивскую гимназию Герцлия. Год, проведенный там, навсегда привязал душу мальчика к древнему и молодому языку. Увы, вернувшись домой на летние каникулы, он оказывается отрезан от Эрец Исраэль столь некстати разразившейся Первой мировой войной – отрезан, как выяснилось, навсегда.

Цви продолжает образование в одесской гимназии (с началом войны российские власти сильно смягчили ограничения по приему евреев), но ничто уже не может вытравить любимый иврит из его головы. Тем более что вокруг пока нет недостатка в ивритских книгах, журналах, кружках общества «Тарбут», спортивных групп «Маккаби» и собраний движения «Ховевей Цион». Пока.

Захват власти большевиками решительно меняет ситуацию. Иврит с точки зрения коммунистов и социалистов изначально связан либо с религией, либо с поисками национального возрождения. И то и другое, по мнению левых идеологов, лишь отвлекает народные массы от строительства светлого будущего. Еврейские социал-демократы – партия Бунд – издавна соперничали с сионистами и религиозными за влияние на молодые умы. Во время Гражданской войны, после краткого периода заигрывания с украинскими самостийщиками левое крыло Бунда присоединяется к Российской коммунистической партии (большевиков) – сначала на автономных началах, а затем и до полного слияния с ней.

Промежуточным этапом этого процесса явилось создание так называемой Еврейской секции РКП(б) и Еврейского комиссариата при Наркомате по делам национальностей, который возглавлялся тогда И.Сталиным. Первоочередной задачей этих органов (и их представителей на местах) стало уничтожение иврита.

Нечего и говорить, что велось оно под знаменем классовой борьбы с буржуазией и мракобесием. Идиш был объявлен языком народных масс, иврит – языком раввинов и

лавочников. В украинских и белорусских местечках развернулись показательные судилища над хедером – многовековой системой народного еврейского образования.

Поначалу иврит еще сопротивлялся, переводя в подполье свои школы, кружки молодежи, образовательные и спортивные общества. Но силы были неравны: на стороне евсеков и евкомов стоял ангел смерти в лице недремлющей ЧК. Уже в начале 20-х годов заниматься ивритом в России стало небезопасно. Цветущий сад молодой ивритской культуры – плод многолетних усилий десятков тысяч людей, писателей, учителей, общественных деятелей, подвижников – был безжалостно вытопан грубым большевистским сапогом.

Вдумайтесь – сколько сокровищ недосчиталась ивритская культура в результате этого преступления! Без всякого преувеличения можно сказать, что, не случись этого первого этапа геноцида, нынешний уровень израильской литературы, искусства, культуры в целом был бы сейчас как минимум вдвое богаче.

Я неспроста употребил здесь слово «геноцид». Да, иврит в России уничтожали бывшие бундовцы – еврейские ренегаты и предатели, уничтожали будто бы во имя идиша. Но не за горами была и их очередь. В конце 30-х пришла пора идти под нож и деятелям бывшей Евсекции, да сотрутсся их проклятые имена. Антисемитизм, животная ненависть к евреям, изначально встроен в коммунизм, фашизм и нацизм – эти три холеры, глубоко родственные по своей сути.

Каждый из них молится на своего рукотворного божка. Но все они – и красноглазый идол классовой борьбы, и нищеанский сверхчеловек, и косматый арийский нибелунг – одинаково не переносят соперничества Единого еврейского Бога и его упрощенной, вульгаризированной версии, въевшейся в плоть и кровь западной цивилизации. Сталин и сталинские соколы не могли не сочувствовать антисемитскому пафосу Гитлера и гитлеровских сверхчеловеков. Уничтожение иврита, санкционированное летом 1919 года наркомом по делам национальностей Сталиным, стало, таким образом, лишь первым шагом на не столь длинном пути к убийству Михоэlsa, расстрелу членов Еврейского антифашистского комитета и «делу врачей», к задуманной депортации советских евреев на Дальний Восток, к виселицам на Красной площади и «окончательному решению» еврейского вопроса.

Но вернемся к Цви Прейгерзону. Что делал он, новоиспеченный студент Горной академии, в атмосфере травли и уничтожения любимого языка? Сдался, уступил, *как и многие другие*? Нет, на сей раз привычное обобщение окажется неверным. Цви Прейгерзон начал писать рассказы и стихи... на иврите. Пока это еще оставалось возможным, переправлял их в Страну Израиля, печатался в тель-авивских журналах и альманахах. А затем, когда оборвалась и эта ниточка, продолжил писать в стол, тайком от всех, даже самых близких.

Этот подвиг верности языку кажется непредставимым. В самом деле, разве может писатель обойтись без своей языковой среды – без книг, газет, радиопередач, концертов, театральных спектаклей, живой дискуссии, уличного жаргона, элементарных бытовых разговоров? Как может он творить в полной глухоте, словно в барокамере, лишенный какой-либо обратной связи, собеседника, возможности просто перекинуться словом на запретном, забытом, задавленном языке?

Прейгерзон смог. Он писал по ночам, когда дети ложились спать, скрываясь от них, чтобы не подвергать дочерей и сына излишней опасности. В одиночку он теперь представлял собой почти все некогда роскошное древо российского иврита – и ствол, и ветви, и молодые побеги, и листву. Оторванный от стихии живого языка, он был сам себе и академией, и школой, и Габимой, и Еврейским университетом. Изобретал недостающие слова, развивал свой, личный иврит – удивительно тонкий, богатый, временами поражающий точностью писательской интуиции.

Он писал об исчезнувшем мире еврейских местечек на переломе эпох, в огне погромов и революций. В середине 20-х годов в его творчестве еще звучит молодой энтузиазм, надежда на лучшее, но затем эта нотка становится все слабее, уступая место горьким размышлениям о судьбе гонимой и уничтожаемой культуры, о чудовищной Катастрофе, о сталинских послевоенных репрессиях.

С началом оттепели надежды возродились. Нет, не на возможность нормальной жизни в России – насчет этого Прейгерзон давно уже не питал никаких иллюзий, – возникли надежды на переезд в страну, где на иврите можно будет писать, говорить, дышать, не опасаясь ареста. Возобновилась и связь с Израилем – опасная, подпольная, но все же лучшая, чем совсем ничего. Роман «Вечный огонь», законченный в 1962 году, писателю удалось переправить в Тель-Авив, где он и был напечатан четыре года спустя под псевдонимом А.Цфони.

Под этим же именем вышли здесь и рассказы Прейгерзона, которые пользовались неизменным читательским успехом. В последние годы жизни он вел работу над масштабной эпопеей «Врачи». По замыслу писателя, она должны была вместить в себя те перипетии людоедского века, свидетелем и участником которых выпало стать ему самому. К сожалению, он успел завершить лишь первую часть романа...

Чтобы понять значение Цви Прейгерзона для становления современного литературного иврита, достаточно слов, сказанных уже после его смерти Аароном Мегедом – одним из ведущих израильских писателей: «Прейгерзон – редкое литературное дарование, тем более редкое, что он писал так далеко отсюда. Это одно из великих чудес... Прейгерзон любил иврит всем сердцем и душой, творил на нем — и творил его.»

Ныне прах писателя покоится на кладбище в Шфаим. Его именем названа улица в Яффо – недалеко от того места, где Цви-Гирш, тринадцатилетний ученик гимназии Герцлия, гонял когда-то в футбол. Его внуки и правнуки говорят на чистейшем

современном иврите – живом и животворном. Дети Страны Израиля, они живут ее бедами и радостями. Они сильны и свободны. И лежащие к северу земли, усыпанные еврейским пеплом, политые еврейскими слезами, обожженные погромами, многовековым унижением, Гулагом и Катастрофой, для них не более чем история – страшная, поучительная, но к ним лично не относящаяся.

И в этом – главная победа возрожденного иврита. Победа Цви Прейгерзона – подпольного, лагерного Бен-Иегуды, одного из самых героических воинов и знаменосцев великого языка